

ДА ИЛИ, МОЖЕТ БЫТЬ, НЕТ

(Интервью с Родионом; взято в ноябре 1988)

— За последнее время ты сменил несколько видов деятельности: постановка спектаклей, диетологическая практика, создание Объединенной Оппозиционной партии СССР, работа в журнале "Гласность" и, наконец, теперь пытаешься создать что-то вроде филиала Общества Кришнамурти в Ленинграде. Каким образом сочетаются эти виды деятельности? Что между ними общего?

— Конечно, я. Это все плоды моей деятельности. Творчество всегда направлено на создание автора, а произведения — это только следы. Что до подробностей, то изволь. Когда Африканец и Тимур Новиков пригласили меня принять участие в их театральных начинаниях, я с удовольствием согласился, тем более, что мне всегда не нравились философские идеи Толстого и Достоевского. Диетологией я занялся, обнаружив, что мое здоровье очень сильно подорвано. Создание ООп — это крик души, а работа в "Гласности" — альтернатива эмиграции.

— Тогда возникает вопрос, касающийся не каких-то начинаний, но прекращения занятий той или иной деятельностью. Например, почему ты перестал работать у Григорьянца?

— Григорьянц продолжает правозащитные традиции, которые не очень совпадают с моим метафилософским подходом. Диету я и сейчас соблюдаю. Если вспомнить, что весь мир — театр (наш назывался "новый нетеатр"), то понятно, что и этот опыт продолжается. ООп была создана для защиты человека от общества, и этой же цели, в известном смысле, служит О.К., а такие формы политической деятельности, как демонстрации и забастовки, мне с детства не нравились. Кроме того, советский народ, не без исключений, но в целом

и так отстает в развитии от своего правительства.

— Есть ли какая-либо закономерность в переходе от одной деятельности к другой или же это та дополнительность, которая выстраивает тебя самого, не следуя определенному порядку? Как связана последовательность со временем?

— Время это и есть последовательность.

— Если она временная. В такой череде не собираешься ли ты поехать на свою другую родину?

— У меня нет никаких сверхзадач на этот счет. Все зависит от того, как будут складываться обстоятельства. Но пока в Советском Союзе мне не разрешают практиковать метафизику — запрет на профессию.

— Которую ты сам придумал.

— Да. Но, с другой стороны, я не вижу нормальной возможности зарабатывать. В то время, как мне кажется, на Западе она есть, да и пострелигиозное сознание там актуальнее.

— Иными словами, ты хочешь создавать самого себя и получать за это деньги.

— Создавать себя или других — это процесс единый.

— Каким образом порождение самого себя воздействует на окружающих?

— С одной стороны, через практику метафизики, с другой — метафизики. В некоторых областях я ушел дальше других и готов, так сказать, помогать другим. Помогать им не мешать самим себе. На мой взгляд, сознание у человека часто бывает настолько запутанным, что он сам не знает, чего он хочет. То есть он путает то, чего ему хочется, и то, что он хочет.

— Ты считаешь, что в состоянии распутывать сознание других?

— Помогать им распутывать свое сознание.

— Как я понимаю, у тебя не существует каких-либо вопросов по отношению к самому себе или к миру. Для тебя мир разгадан?

— В принципе, да.

— Тайн для тебя в мире не осталось?

— Нуууууу... не очень понятно, что в данном случае тайна. Существуют просто вещи, которые на уровне сознания просто не решаются. Сознание — инструмент неплохой, но не абсолютный. В области подсознательного он бессмыслен, не говоря уже о каких-то глубинных состояниях. Т.е. он функционирует на уровне трех.

— То есть на уровне одного.

— Нет, за единицу сознание на самом деле берет сразу три.

— Но три подразумевает один.

— А пять — четыре. Я думаю, что такая путаница породила множество проблем.

— Поскольку мы заговорили о сознании, то что ты называешь пост-религиозным сознанием?

— На мой взгляд, мифологическое, атеистическое и религиозное сознание — это все вариации того, что можно противопоставить просветленному сознанию, то есть, если считать нормальным сознание просветленное, эти три оказываются не совсем нормальными. Мифологическое, атеистическое и религиозное сознание — это все вера в того или иного бога, или в его отсутствие. Пострелигиозное сознание — это состояние не-верующего человека, т.е., в известном смысле, преодоление веры.

— Можешь ли ты назвать кого-либо, обладающего таким сознанием?

— Я подозреваю, что да, но они не всегда в этом признаются.

— Если ты не скрываешь, то к какому типу сознания ты относишь свое? К пострелигиозному?

— Да.

— В этом случае, так или иначе, ты мог бы что-либо о нем (или в нем) сообщить, или, если это возможно, дать какое-либо объяснение в рамках бинарной логики.

— Это сложно, поскольку оно напоминает хлопок одной ладони.

Правда, дзенский вариант предполагает неинтеллектуальный вариант раскрепощения сознания, я же хочу развивать традиции Кришнамурти, который делал это интеллектуально. Правда, Кришнамурти не сделал фактического шага вперед...

— ...за него это сделал Кастанеда... но в целом ты хочешь продолжать дело Кришнамурти...

— Кастанеда остался дуалистом, а метафилософия снимает антиномичность монизма и дуализма.

— Метафилософия оформляется в рамках пострелигиозного сознания?

— Метафилософия — это метод достижения и развития пострелигиозного сознания. Сам термин предлагает расширение сократовского определения "мудрость свойственна богам, людям же любовь к мудрости". Как в известной истории горы есть горы (горы не есть горы) горы есть горы, т.е. животным и богам горы это горы, а людям горы это не горы. Пострелигиозное сознание как богочеловеческое.

— Что общего между психоаналитической терапией и терапией Кришнамурти?

— Общее — интеллектуализм. Что до различий, то психоанализ, в отличие от меня и Кришнамурти, как правило, не занимается онтологическими проблемами. Это позитивистский подход к позитивно существующему миру, с которым психоаналитики и стараются примирить человека. Кришнамурти старается примирить человека с самим собой. Моя цель совпадает с обеими, но я использую мистический подход, и в результате приобщения к Единому как истинной природе всего сущего, — богочеловеческое состояние.

— Что еще ты бы хотел использовать в своей предполагаемой деятельности, помимо собственного опыта и учения Кришнамурти?

— Все по мере надобности.

— Кто, помимо Кришнамурти, может быть отнесен к метафилософам?

— Ну, на счет себя я как бы уверен, а еще... Дело в том,

что элемент приобщения к истине свойствен всему живому. Другое дело, что в большинстве своем он настолько затемнен, что просветленным состоянием и не пахнет.

— Чем должно пахнуть просветленное сознание?

— Тут нужен особый нюх. Проблема Кришнамурти и Юнга, с метафилософской точки зрения, в том, что они не сделали волевого шага. Дзенбуддисты, Кастанеда, суфисты делают этот шаг, но они не делают его интеллектуально обоснованным.

— Каким образом в тебе возникла уверенность в возможности своего рода интеллектуальной трансценденции?

— Это мой собственный опыт.

— То есть в отличие от, скажем, Юнга, ты можешь переходить границы? Можешь совершать прогулки из вне-себя в себя (если, конечно, предположить, что "мир" делится на я и не-я)?

— Для меня это совершенно естественно...

— Иными словами, ты теперь безграничен, беспределен...

— Если говорить о моей истинной природе, то да. Майя совершенно замечательная вещь, если не забывать о своей истинной природе, об абсолюте.

— Ты мне даешь шанс задать весьма оригинальный вопрос: что есть истина?

— Истину нельзя познать, ею можно стать.

— Твоими устами говорит Киркегор.

— Киркегор тоже отчасти метафилософ.

— Можно сказать, что истина и есть ты.

— Истина — любой, кто это понимает, если он не ошибается.

— Давай перейдем к практике, не в прямом смысле отсутствия моих к тебе вопросов, а к вопросу о практике. В чем может быть важность твоего дела сегодня?

— Постиндустриальное общество, освобождая человека от бытовых проблем, накладывает на него бремя свободы, а пострелигиозное сознание помогает справиться с этим бременем.

— Понятие бремени свободы было сформулировано Сартром, когда и речи не было о постиндустриальном обществе. Не следует, на мой взгляд, относить бремя свободы за счет постиндустриального общества. Его нес и Танта́л, и Сартр.

— Правильно, но в постиндустриальном обществе это превращается в обыденность для каждого человека. Пострелигиозное сознание позволяет превратить бремя свободы в мотоцикл свободы. Т.е. человек, который не обладает пострелигиозным сознанием, обладает мотоциклом свободы.

— Видимо, далеко можно заехать на мотоцикле свободы...

— Бесконечно...

— Мне кажется, ты хочешь своей деятельностью катализировать пострелигиозное сознание, а, может быть, в свою очередь и постиндустриальное общество.

— Ну, чем-то я должен заниматься.

— И ты ставишь перед собой задачу равную задаче Бодхисаттвы.

— Не совсем. Скорее, Будды...

— В отличие от Кришнамурти, ты равен Будде???

— В каком-то смысле.

— Извини, что я тебя недооценил, думал, что ты будешь заниматься чем-то сродни психоанализу, а ты собираешься выполнять явно божественные функции, или, скажем, харонические: переводить людей из одной области в другую.

— Я же говорю, что истинная природа всего живого — природа абсолюта. И поскольку я следую истинной природе, то волей-неволей оказываюсь в роли Будды.

— И с твоей помощью мы все можем через некоторое время (или не-время) оказаться в нирване?

— *Why not?*

— Считаешь ли ты, что за свою перевозчицкую деятельность ты должен получать от людей деньги?

— Почему нет? Богочеловеческое включает Человеческое, а значит мне надо есть.

— А я думал, что Будде не надо есть совсем.

— Но почему? Существует мнение, что Гаутама оттого и умер, что ел всякую гастрономическую дрянь, которую ему давали люди.

— Именно Гаутама, но не Будда. Впрочем, ты не боишься той же участи?

— Нет, но самому портить свое здоровье, питаясь неразумно, это извращение. Здоровье, в моем понимании, это радость бытия, а не просто отсутствие болезней.

— Ты ценее Будды, ибо он не давал диетологических советов.

— Да. И, кроме того, не все те советы, что он давал, безупречны. Но, к сожалению, здесь я едва могу себя прокормить. Кормить людей я тем более не могу, но могу сказать, что и как есть.

— В этом твое отличие от Христа.

— Позабочусь еще об одном — отсутствии института последователей, т.е. церкви. Дело в том, что Христос призывал в каждом видеть Христа, а вовсе не брата во Христе. Принципиально разные вещи. Но он кормил их бог знает как, и вот что из этого вышло.

— Рад слышать, что речь не идет о новом движении — родионизме. И этот вопрос имеет этический оттенок. Каковы отношения метафилософии с (мета)этикой?

— Ну... если религия — это опиум для народа, то атеизм — героин. И то, и другое облегчает боль, но не лечит. У нас сейчас общество калек-наркоманов, что во многом результат атеизма в сочетании с общегосударственным конформизмом. Эти люди подсознательно ориентированы, в первую очередь, на свои семьдесят лет жизни, на свою собственную личность, и каждый из них стремится к светлому будущему, сам оставаясь из него исключенным, а значит, он не будет склонен что-либо делать для него. Напротив, чувствуя

зависть, подвизнательно он будет вредить, саботировать светлое будущее. В пострелигиозном обществе человек определяет себя сам. Существует чудесный анекдот про зайца и медведя-онаниста: идет заяц по лесу и видит медведя, который, положив гениталии на накозальню, стучит по ним молотком; изумленный заяц спрашивает: "Миша, что ж ты делаешь?", на что тот отвечает: "Да вот онанизмом занимаюсь", "И что, — спрашивает заяц, — приятно?" — "Да нет, но когда промахнешься, то вроде как ничего". Медведь — типичная жертва непросветленного сознания. Я думаю, что лучше всего не промахиваться время от времени, а вообще оставить это идиотское занятие, и отправиться есть малину, купаться, загорать, медведиц выискивать и т.д. Кроме того, метафилософское осмысление жизни бесконечно расширяет границы бытия.

— Ты уже обращался к властям за разрешением на практику?

— Да, я был в исполкоме, где возник вопрос об образовании, но поскольку специалистов по метафилософии в Советском Союзе, за исключением меня, нет, то и никакого документа быть не может. Главный же юрист города сказал, что поскольку метафилософии не было, то, стало быть, она и не нужна.

— Как выглядит твой гипотетический прихожанин? Я могу представить себе как выглядит человек, обратившийся к аналитику, но обращающийся к тебе...

— Любой человек, имеющий проблемы на уровне сознания, и, в первую очередь, онтологические.